

ЛИПА В ЛЕСУ ЖИВЕТ ЧЕТЫРЕСТА ЛЕТ, А В ГОРОДЕ...

Разгар зимы, а снега все нет.

За весь декабрь в Ереване количество осадков практически равнялось нулю.

В канун Нового года все было как всегда: елки в витринах магазинов, обилие елочных игрушек, хлопоты, беготня... Словом, все как обычно. А снега нет... В предпраздничной суете этот немаловажный факт не очень-то замечали. Разве только дети по утрам с тоской высматривали: как там, за окном?.. А на улице в утреннем мареве едва проглядывало солнце.

Если летом в Ереване к вечеру, как закон, чуть ли не ежедневно поднимается ветер, принося свежесть, то зимой на протяжении нескольких недель кряду над городом стоит полный штиль. Добавим: работают во всю мощь все без исключения котельные. Зима как-никак. Снега нет. Ветра нет. Но все равно зима есть зима. Холодно. Многие котельные переоборудованы, и работают они не на природном газе, а на мазуте, выбрасывая в атмосферу черный дым. Не открою, конечно, Америку, если скажу, что в Ереване почти все деревья лиственные, а стало быть, зимой не выделяют кислорода и, что самое главное, не очищают воздух от вредных примесей. Отсюда и вспышки различных заболеваний.

Больным нужен не просто воздух, а чистый воздух. По данным Всемирной организации здравоохранения, причина 80 процентов всех болезней на Земле — загрязненный воздух и загрязненная вода. А по утверждению министра здравоохранения Армянской ССР Э. С. Габриеляна, лишь одна живая ель или сосна может принести больному гриппом больше пользы, нежели целая бригада вирусологов. Одна-единственная ель или сосна!

В Армении в канун 1981 года по плану срублено около шестидесяти тысяч вечнозеленых деревьев. Небольшое уточнение: дерево для новогодней елки, да простят меня поэты и дендрологи, — это предмет купли-продажи, а посему оно должно

иметь соответствующий, товарный вид. Поэтому, чтобы вырубать шестьдесят тысяч деревьев, нужно вырубить их около двухсот тысяч! Повторяю, речь здесь идет о плановой, так сказать узаконенной, рубке. Учету практически не поддаются деяния браконьеров, которые тоже ведь замахиваются топором не на худосочный кустик, а на пышную, взрослую ель.

Специалисты подсчитали, что взрослое дерево за сутки вырабатывает более сорока килограммов живительного кислорода, который «кормит» шестьдесят человек. Но это не все. За это же время оно перерабатывает около шестидесяти килограммов ядовитой окиси углерода, концентрация которой неимоверно высока из-за выхлопных газов автомашин. Взрослое буковое дерево в день испаряет до четырехсот литров воды, повышая примерно на 10 процентов влажность почвы вблизи корней. Справедливости ради надо сказать, что подобные показатели у хвойных деревьев не столь внушительны. Но они же вечнозеленые, а значит, трудятся ради нашего здоровья все двенадцать месяцев.

Тысячелетия назад у язычников дерево было символом жизни. Легенда рассказывает, как на одном из островов началась междоусобица. Островитяне были людьми набожными и, боясь кары всевышнего, не стали убивать друг друга, а решили вырубать у противника деревья. И вскоре уничтожили весь лес. Начавшиеся после «побоища» эпидемии чумы сделали остров необитаемым.

При виде машины, груженной зелеными деревьями (их уже не назовешь вечнозелеными — они умирают), скорбишь. Небритый детина, бойко торгующий, а зачастую и спекулирующий «символом жизни», вызывает в душе горечь. Все мы терпим, на все согласны ради детей! Это для них, для наших несмышленишей, мы добываем елку, которая привносит в дом неумный заряд радости. Дети хлопотливо суетятся вокруг зеленой красавицы, помогая родителям разукрашивать ее. А потом мы равнодушно выбрасываем «объект веселья» на свалку. Напрасно после зимних каникул учительница в школе будет наставлять детей относиться с уважением к «зеленому другу». Ребенок уже знает, что взрослые без особых переживаний легко предают «друга». И в дни субботников, в дни массовых посадок леса уже не вобьешь в голову подростку идею, что без дерева человек не может жить. Он уже усвоил, что «зеленых друзей» тысячами и тысячами рубят, а потом выбрасывают на свалку.

Спору нет, что за Новый год без елки? Еще с языческих времен армяне разукрашивали деревья цветными лоскутами. Обычай этот сохранился и поныне. В местечке Гегард летом всегда можно увидеть наряженные деревья. Их наряжали в честь какого-нибудь праздника. И всегда только живые. Рубить запрещалось. Наш народ всегда приписывал дереву и вообще зелени оберегающее действие.

История не сохранила даты, когда первое срубленное дерево установили в доме. Первое упоминание о «неживой» новогодней елке относится к рубежу XV и XVI веков. Это было в Эльзасе. И тогда же появился первый официальный документ, несколько ограничивающий массовую рубку леса в канун Нового года. По указу эльзасского лесничества от 1516 года каждому бюргеру запрещалось рубить больше одной елки. Лимитировался даже рост дерева — не больше восьми ступеней. И такие правовые барьеры ставились там, где не так уж много было бюргеров, а край был поистине сказочно богат лесом.

Традиция устанавливать в доме елку пришла в Армению из России. Как известно, культурные, экономические и политические связи между двумя соседними странами уходят в глубь веков. Но особенно тесными они были во времена царствования Петра Первого. И в Армении хорошо знали о царском указе от 15 декабря 1699 года: «Поелико в России считают Новый год по-разному, с сего числа перестать дурить головы людям и считать Новый год повсеместно с Первого генваря. А в знак того доброго начинания и веселия поздравлять друг друга с Новым годом, желая в делах благополучия и семье благоденствия. В честь Нового года учинять украшения из елей, детей забавлять, на санках с гор катать...» Но, как видите, указ вовсе не предусматривал рубку деревьев. В лесу, в городе, в деревне украшали живого «зеленого друга». А домой приносили лишь хвойные ветки.

Но если в России, с лихвой богатой лесами, люди могли себе позволить раз в год рубить деревья ради праздника, ради традиция, то это не означает, что, скажем, в скалистой, безлесной Армении можно делать то же самое. Елка — всего лишь символический атрибут на новогоднем празднике. Равно как и Дед Мороз и Снегурочка. Все это милая игра, чудесный сказочный праздник. Но зачем же делать больно природе, а стало быть, и себе, и детям? Почему в стодесятимиллионной Японии на новогодних торжествах нет ни одной лесной ели — обходятся искусственными, а мы не в силах?

Не выдерживает никакой критики мнение о том, что, мол, все равно нужен так называемый сбалансированный подход к рубке леса и его восстановлению. Есть, мол, естественная, научно обоснованная необходимость проводить санитарную рубку. Если и есть такая необходимость, то пусть вырубают, не кивая на Новый год. Тем более что санитарная рубка и у специалистов вызывает спор. В умной статье Э. Сорокина, напечатанной в журнале «Знание — сила», приводится следующая доказательная мысль: «Иногда забывают, что биосфера в целом и отдельные ее компоненты — это саморегулирующие системы, доведенные до совершенства миллионами лет эволюции. Считается практически аксиомой, например, что санитарные рубки любому лесу очень полезны. Создается впечатление, что без них он просто не может существовать.

А как же леса процветали во все времена, и ничего, никто за ними не следил и не отмечал деревья, которые нужно обязательно срубить? Лес — это сложное экологическое сообщество, экосистема, и упавшее дерево — необходимый ее элемент. Вещества, накопленные в корнях, стволе, в ветвях, снова вливаются в общий круговорот. Странно, почему об этом забывают?»

В военное и послевоенное время я со своим дедом часто ходил в лес за дровами. Он, престарелый человек, не раз говорил мне, подростку: «Никогда не руби высыхающее дерево. Чаше всего в них находят пристанище муравьи и другие полезные насекомые, без которых лес погибнет».

Армения занимает одно из последних мест в СССР по лесным массивам. Всего 9 процентов от общей площади. Проблема обостряется тем, что даже эта крохотная территория распределена неравномерно. Напомним — население, в том числе и в Ереване, сконцентрировано именно в центральной части. При этом нельзя забывать, что в округе нашей столицы нет крупных водоемов. Океан, моря — далеко. Вот почему для нас каждое дерево на вес золота. Наш Ереван — единственный, пожалуй, миллионный город, лишенный соответствующего зеленого пояса. Притом город занимает далеко не первое место по количеству деревьев, кустов и особенно территорий, засеянных травой. Мы почему-то упорно отказываемся от обыкновенной декоративной травы. Словно задались целью вместо нее сажать... бетон, камень, асфальт. Качественный состав воздуха Еревана далеко не соответствует разработанным нормативам. На каждую тысячу человек в миллионном городе должно приходиться двести гектаров зеленой зоны. Этого мы не имеем.

Единственное спасение, так сказать, в интенсификации. То есть сажать как можно гуще. Сажать деревья, в том числе и хвойные. И мы сажаем их.

Второго января вместе с первым секретарем Советского райкома партии Еревана Павлом Сафяном мы ходили по ставшему теперь уникальным скверу Норкского массива. Он показал мне пень от срубленной накануне крупной ели. Преступники не найдены. А если и будут найдены, то вряд ли понесут должное наказание. Денежный штраф. Подумаешь, каких-нибудь два-три червонца, когда за пышную елку спекулянту все равно платить «четвертак». Удивляет сам факт, что у нас не предусмотрено суровых наказаний для «елочных браконьеров». Ведь вандал не просто срубил дерево, а разворотил «аптеку», дающую такое количество фитонцидов, которого достаточно, чтобы уберечь тысячи человек от вредных микробов. Преступник безжалостно замахнулся топором на здоровье человека. По расчетам академика В. Соколова, в одном кубическом метре городского воздуха содержится в двести раз больше бактерий, чем в лесном. И единственное, что спасает горожанина, — это дерево, которое принимает на себя «удары урбанизации». Задумываемся ли мы о том, что деревья в городе живут намного меньше, чем их сородичи «на воле». И это ради того, чтобы мы, люди, жили дольше. Если липа в естественном лесу живет до четырехсот лет, то в городе — пятьдесят.

Я беседовал с министром внутренних дел республики, который утверждает, что если у нас будет введен закон о запрещении рубки деревьев, то мы сумеем эффективнее бороться с браконьерами, со спекулянтами. Главное, чтобы не было исключения ни для кого. Вот почему нужен закон, перед которым, как известно, все равны. Разумеется, у нас есть природоохранное законодательство. Но речь идет о том, чтобы начисто ликвидировать в Армении само понятие «елочный базар». А это значит — не планировать рубку деревьев. Ни единого дерева!

Начальник управления лесопользования, охраны и защиты леса Госкомитета лесного хозяйства республики говорит, что при желании — конечно, без особого ущерба для лесных плантаций — можно обеспечить чуть ли не каждую семью новогодней елкой. Однако сам факт рубки деревьев ради кратковременного удовольствия опошляет и оскорбляет труд лесника. Мы же уничтожаем дерево, которое в течение нескольких лет выращивали, выхаживали, полили, порой даже родниковой водой. Есть ли смысл содержать целый штат людей, денно и нощ-

но работающих на специальных плантациях, лишь для того, чтобы плод их труда уже в первой декаде января назывался не иначе как «мусор». Почему бы благородный труд лесника не направить только и только на увеличение площади лесов республики? За последние десятилетия площадь лесов у нас остается на постоянном уровне — примерно 10 процентов. В богатой хвоей Литве в 1940 году лесные угодья занимали 18 процентов. Сейчас — 26,4 процентов! По прогнозам ученых-специалистов, к концу века треть территории республики будет покрыта лесами. Это делается во имя будущего.

В Литве вдоль рек и речушек, по берегам водоемов и озер сейчас интенсивно сажают деревья. Подсчитано, что зеленая полоса протянется на двадцать тысяч километров. Это половина длины экватора. И деревья, питаясь прибрежной водой, в свою очередь сохранят водный режим в округе.

У нас тоже немало рек и речушек. Но большинство из них высыхает под палящими лучами летнего солнца, потому что рядом нет деревьев. Мы строим шестнадцать водохранилищ, протяженность оросительных каналов растет из года в год. Однако вдоль них и по берегам водоемов редко увидишь зеленые посадки.

Любая пядь земли, если она не пригодна для нужд сельского хозяйства, должна отводиться под лес, который, в свою очередь, сохранит окружающую почву. Ведь только с культурных полей у нас ежегодно в результате эрозии смывается водой до двенадцати миллионов тонн рыхлой почвы. Это несколько тысяч гектаров пашни. И часть из них была бы несомненно сохранена, если бы двести тысяч деревьев растили не для новогодних елок, а высаживали их там, где они могли бы бороться с эрозией. Смывается не просто почва, которая образовывалась тысячелетиями, — уходит из-под ног земля, единственная кормилица всего живого. Уходит земля с ее водами, растительным и животным миром. И, наконец, с чистым воздухом. Уходит то, что мы обязаны беречь для будущего, не просто по велению сердца, но и по высшему закону нашему — Конституции СССР: «В интересах настоящего и будущих поколений в СССР принимаются все необходимые меры для охраны и научно обоснованного, рационального использования земли и ее недр, водных ресурсов, растительного и животного мира, для сохранения в чистоте воздуха и воды, обеспечения воспроизводства природных богатств и улучшения окружающей человека среды».

Рубить дерево ради сиюминутного удовольствия означает рубить сук, на котором сидишь. Хочется верить, что в нашей республике в законодательном порядке будет поставлен непробиваемый заслон перед каждым, кто попытается замахнуться топором на великий символ жизни, каковым, по существу, являлось дерево для нашего народа во все времена.

...Статья вышла в свет. И я облегченно вздохнул. Я написал около двадцати книг. Напечатал более тысячи статей в периодике. Но, наверное, никогда не было такого удовлетворения, как после публикации материала о новогодней елке. Я думал вновь и вновь о великой мудрости наших дедов, которые считали главным назначением человека на Земле — сына растить, дерево посадить. Но мы почему-то не задумываемся над тем, что спасти дерево значит не меньше, чем посадить его. Судя по многочисленным телефонным звонкам, по письмам читателей, можно было надеяться, что статья спасет не одно дерево. Наивно, конечно, полагать, что какое-нибудь газетное выступление раз и навсегда решит тот или иной вопрос. Да печать и не ставит перед собой такой задачи. Ее дело — создать общественное мнение, попытаться найти реалистические варианты решения вопроса и, конечно, вовлечь тысячи людей в размышления над проблемой, помочь укрепить их веру в то, что все-таки можно преодолеть барьеры, поднять камень, валяющийся на дороге. Поднять камень и отбросить в сторону.

В самом деле, неужели так уж трудно отказаться от идеи приносить домой непременно живую елку? Приятель рассказывал, что у них дома вот уже два десятилетия хранится небольшая синтетическая елка. В разобранном виде она умещается в небольшой плоской коробке. Вечная новогодняя елка стала своего рода реликвией, родной и незаменимой для детей. Отец несколько раз собирался было купить более заметную, пышную, но дети протестовали. Им казалось, что синтетическая елка росла вместе с ними. Он рассказывал и о том, что ради эксперимента как-то предложил детям купить живую елку. Они даже не обратили внимания на слова отца, уверенные, что он шутит. Срубленное дерево и праздник? Этого понять они не могли.

Значит, действительно можно избавиться себя от некоей инерции обязательно поставить в доме живую елку. Мол, как же иначе? От живой дух лесной идет. А что от синтетической?

Даже мнение о том, что от срубленной елки идет дух — это тоже инерция. Самообман. Уже на второй день от лесного за-

пах не остается и следа. А на третий день срубленное дерево начинает «действовать», так сказать, с обратным эффектом. Оно не дышит, не выделяет кислород и не поглощает углекислый газ — как дышало в лесу. Оно только выделяет ядовитые газы и накапливает несметное количество вредных микробов. И все это, в конце концов, понятно. Ведь срубленное дерево — это, по существу, труп.

Удивило меня то, что авторы десятков писем не только были единодушны в своих раздумьях об охране леса, но и писали словно под диктовку. Одинаковыми были не только мысли, но и их оформление. Даже совпадали иные фразы. Словно плагиат какой-то. Письма не только удивляли, но и радовали. Люди думали схоже потому, что боль и беспокойство у них были общими.

«Слов нет, очень приятно, конечно, отцам, матерям, — пишут Е. Зурабян и М. Тоголян, — доставить удовольствие своим малышам: принести домой новогоднюю елку. Но допустимо ли, чтобы после кратковременного развлечения предмет обожания и восхищения превращался в... мусор. Все должны думать о том, что на любой елке, принесенной домой, всегда есть след от безжалостного топора. Рана на дереве. Ребенок это видит. Ребенок к этому привыкает. Срубленное дерево для него становится нормой. Так что дело не только в проблеме чистого воздуха или эстетики.

Для ребенка сегодня елка — забава, а завтра — мусор. Вот в чем весь ужас. И мы настаиваем на том, чтобы, не ломая милую новогоднюю традицию, чуточку скорректировать ее. В дом приносить только синтетическую елку. Для этого, конечно, работникам местной промышленности и торговли придется потрудиться. Но думается, что они сделают это с удовольствием, ведь они тоже — папы, мамы, бабушки и дедушки. И им небезразличны вопросы правильного воспитания детей».

Ветеран авиации, штурман Г. К. Казарян от имени своей семьи пишет письмо, которое я назвал бы проектом постановления о мерах по спасению «зеленого друга». Семья Казарянов советует занести «вечнозеленых друзей» в Красную книгу республики на ближайшие сто лет. Многие читатели предлагают Министерству юстиции республики разработать в своде законов более строгие меры наказания браконьеров — любителей погреть руки на хвойных деревьях в канун Нового года. В частности, рекомендуют повысить штраф до тысячи и более рублей за каждое дерево, а также наказывать лишением свободы.

Авторы примерно тридцати писем предлагают сообщать в редакции газет о любом случае установки в доме живого дерева. Ведь елка — не иголка. Ее возят по городу, вносят в дома на глазах у соседей. Если же мы сделаем хотя бы для кого-нибудь исключение, то тем самым откроем лазейку для других, для всех.

Е. Казарян из Кировакана прислал пространное письмо, в котором подчеркивает, что только враги природы могут беспланово и в утилитарных интересах рубить дерево, которое посадили люди для людей. Те, кто любит свою землю и свой народ, беспокоятся о природе будущего. Казарян предлагает Министерству просвещения республики вести воспитательную работу для достижения среди школьников и родителей такого отношения к этому вопросу: «Родитель, приносящий домой натуральную елку, теряет уважение детей».

«...Милые, пушистые, словно котята-несмышлениши, молодые сосенки и елочки, ласкающие наш взор, вдруг превращаются под Новый год сначала в предмет купли-продажи, а затем, в течение одной лишь недели, в груды мусора. И это на глазах у народа, который тысячелетиями обожествлял дерево...» — пишет В. Мусаелян. Он настоятельно рекомендует выпускать так называемым массовым тиражом не просто искусственные елки, но делать их красивыми, ветвистыми, удобными и, конечно, душистыми. Причем душистыми в буквальном смысле слова. Для этого у нас есть все возможности. Республика славится своей химией. И в «Основных направлениях»... намечено строительство в республике парфюмерной фабрики.

Идея В. Мусаеляна наводит на размышления. Проблема, как пишут читатели, «этики и экономии, эстетики и экологии» новогодних елок волнует всю страну. Газеты с тревогой пишут о том, что за каждые пять лет в Подмоскowie в канун Нового года вырубается до десяти миллионов деревьев. Такое количество нужно, чтобы выбрать около трех миллионов новогодних елок. И в Ленинграде, и в Новосибирске, и в Ташкенте считают, что для решения проблемы есть один выход — искусственная елка. Армянская ССР может стать поставщиком синтетических елок для всей страны. Такая перспектива действительно имеет реальную основу: развитая химическая промышленность и строящаяся парфюмерная фабрика.

Были и письма, в которых авторы явно не скрывали своего консерватизма. «Хоть мир перевернись, — пишет Л. Сарибекян, — но для своих детей я достану живую елку. Не то что за «четвертак», я сотню заплачу за одно лишь то, чтобы увидеть

искрящиеся глаза моих детей при виде натуральной елки...» С мнением Сарибекяна солидарна Э. Ананян из Еревана, которая начала свое письмо с того, что она архиграмотная женщина, а потому нечего ее поучать. Она, мол, и так хорошо знает, какая елка нужна под Новый год. «Я одинокая незамужняя женщина, — пишет Э. Ананян, — и у меня дома всегда будет только настоящая елка. Не волнуйтесь, достану. А вы, вместо того чтобы разглагольствовать о «зеленом друге», учили бы грамматику. Может, тогда узнали бы, что «зеленый друг» пишется в кавычках...» Я не в обиде на воинственный тон Э. Ананян. Может, она была не в настроении, а может, захотелось покочетничать. Мало ли что? Женщина ведь грамотная. И хорошо знает не только где нужно ставить кавычки, но и где ставить натуральную елку.

С. Вардазарян приводит в своем письме примеры, как в некоторых городах, в бойких, так сказать, местах — парках и скверах — выращивались специальные ели и сосны, которые под Новый год наряжались по всем правилам традиционного праздника. С утра до вечера у живых хвойных деревьев толпились дети, получая не только заряд эмоций, но и играя и веселясь на свежем воздухе. Почему бы то же самое не сделать в Ереване?

В письмах чаще всего встречалось слово «закон». Эмоции эмоциями, но нужен закон, пишут они, запрещающий планировать рубку деревьев для продажи на елочных базарах. Закон, сурово карающий браконьеров. Но если призадуматься, припомнить, заглянуть, наконец, в уголовный кодекс, то убедишься, что такие законы у нас есть.

Просматривая читательскую почту, я не раз ловил себя на мысли, что с новогодними елками рано или поздно будет все в порядке. Если даже в ближайшее время проблема не окажется решенной полностью, то, судя по всему, постепенно все же одолеем ее. В конце концов, все зависит от самих людей. А люди хорошо знают, что без мудрости невозможно сохранить свет и тепло в очагах. Так что с елками, уверен, все будет в порядке. Но в письмах читателей разговор шел не только о новогоднем символе. «Милая, пушистая елка» стала поводом к более серьезным раздумьям.

Десять процентов лесистости. Это не просто мало для нашей республики. Это драматично мало, это означает, что нельзя жить нормальной жизнью. А ведь сегодня нас три миллиона, завтра будет четыре, послезавтра — пять. Но, может, территория республики вовсе не пригодна для лесов? Ведь не

зря ее часто сравнивают с лунной поверхностью. В письме Р. Мхитаряна из Тбилиси, наряду со множеством интересных фактов, приводится ссылка на самого Мовсеса Хоренаци, который утверждал, что земля армянская утопала в сосновых рощах и что «но шелесту деревьев, по силе и направлению ветра очень деятельный и гениальный Анушаван — сын Ара Гехецика — делал предсказания для судеб Армении». Сегодня мы не имеем сосновых рощ. Из 10 процентов территории республики, на которой неравномерно размещен лесной массив, 85 процентов составляют дуб, бук и граб. Ученые-специалисты утверждают, что для многих районов Армянского нагорья единственным аккумулятором чистого воздуха являются вечнозеленые. И конечно, речь идет не только о воздухе, но и о земле. О жизни как таковой идет речь. Есть печальная формула: погибло дерево — погибли десять квадратных метров земли. В одном из леспромхозов Дальнего Востока я слышал грустный анекдот, рассказанный лесорубами. В тайгу заявился здоровенный араб. Он поражал лесорубов своей недюжинной силой, работоспособностью. Валил лес, выполняя десятки норм. Темнокожего араба спрашивают с недоумением: «Откуда ты такой взялся?» — «Из Сахары», — отвечает он. «Как из Сахары? Там же пустыня. Там леса нет!» — «Был», — коротко режет араб и продолжает рубить.

Анекдот действительно грустный. Ученые утверждают, что гигантская Сахара некогда была цветущим уголком планеты. А сегодня, разрастаясь, как раковая опухоль, с каждым годом поедает все новые и новые живительные участки земли. И уже, судя по всему, нет никакого спасения от чудовищной беды — пустыни.

Всего пять процентов плодородных земель было шестьдесят лет назад. Мелиораторы удвоили эту цифру. То есть практически половина плодородных земель Советской Армении сотворена руками человека. Многие удивляются: мол, почему на землях, не используемых для сельскохозяйственных нужд, не посадить деревья? Приводят в пример Грузию и другие республики. Мысли эти, признаюсь, тревожили и меня. Ими я поделился с председателем Госкомитета лесного хозяйства республики Г. А. Авакяном. Грант Аршакович — человек атлетического сложения, с красивым лицом. Долгие годы работал руководителем партийной организации Шамшадинского района. И думается, вполне логично, что именно ему сегодня поручена организация службы лесного хозяйства республики.

Этот человек в Шамшадинском районе разбивал парки и сады, сажал лес и создавал памятники-родники. Оставил осязательный след своей работы: дерево. Миллионы деревьев.

— Нет ни одной пяди территории, отведенной под лес, чтобы там не тянулось к небу дерево. За последнее время у нас лесной фонд увеличился на один процент. Это новые двадцать девять тысяч гектаров, на которых шумят молодые деревца. Но мы считаем, что этого мало. Могли бы больше. Нет земель...

— Но ведь едешь, бывает, по республике и диву даешься: просторы, каменистая земля — и ни единого деревца.

— Просторы. Обезлесевшая земля. Камни. Но не пустыри бросовые. Эти, как вы говорите, просторы нам не принадлежат. Они или пойдут под будущие сады, или представляют собой, так сказать, жизненное пространство для... овец. И конечно, нельзя забывать, что львиная доля территории республики — высокогорье. Более двух тысяч метров. А на такой высоте редко дерево приживается.

— А хвойные?

— Вот мы и сажаем в основном хвойные, по примеру наших предков. Однако в стародавние времена не было такого громадного количества овец. Сейчас случается, что мы сажаем или сеем новый участок леса, а за день овцы начисто «скашивают» деревца. Даже не «скашивают», а хуже — вырывают траву и саженцы с корнем. Вырывая с корнем растение, они топчут тонкий плодородный слой почвы, превращают ее в песок. И достаточно даже небольшого дождичка, чтобы земля, гонимая водными потоками, ушла в реки, словно талый снег. Оголяются камни, начинается эрозия почвы. И дерево здесь уж не посадишь. Понадобятся годы труда, чтобы убрать камни, завезти землю, вновь посадить лес.

Вместе с Грантом Авакяном мы путешествовали по владениям лесного хозяйства несколько дней. Побывали в лесопарковых хозяйствах Джермука, Шамшадина, Гугарка, Иджевана, Севана, Октемберяна, посетили Дилижанский и Хосровский заповедники. Я видел, как засеиваются лысины-обсевки, как проводятся защитные насаждения в оврагах и в балках. Радовался сердцем и душой, когда видел, как колышется молодой лес. Но чуть ли не везде мне доводилось слышать жалобы лесников на то, что овцы буквально подстригают молодой лес. Даже в округе Севана, несмотря на правительственные постановления о мерах по охране природных ресурсов озера, не удастся противостоять «нашествию» овец. Люди беспомощно (и

фатально) разводят руками: мол, ничего не поделаешь, бороться бесполезно.

Я видел, как ранней весной, в пору цветения, в Мегринском районе овцы, словно саранча, прошли по персиковому саду, оставив после себя обглоданные стволы, на которых развевались клочки шерсти. В Талинском и Наирийском районах, в районах, обрамляющих Арагац, ежегодно десятки тысяч гектаров земель эрозируются. Об этом много писалось. Говорилось с высоких трибун. Приводились расчеты, показывающие, что сокращение поголовья овец и соответствующее увеличение поголовья крупного рогатого скота и свиней повысит производство мяса в республике в два с половиной — три раза. Однако воз и ныне там.

Спору нет, овцеводство — важная отрасль сельского хозяйства. Партия требует увеличить в первую очередь производство мяса и других продуктов животноводства. Однако осуществление этой задачи невозможно без «планомерного перевода этой отрасли на индустриальную основу...».

Подчеркивалось, что «центр тяжести теперь — и это отличительная особенность аграрной политики в восьмидесятые годы — переносится на отдачу от капиталовложений, рост продуктивности сельского хозяйства, на углубление и совершенствование его связей со всеми отраслями агропромышленного комплекса». От овцеводства же практически нет отдачи. Отрасль нерентабельна. Добавим к сказанному, что такой плотности поголовья овец, как в Армении, нет нигде в мире. Свыше двух миллионов трехсот тысяч овец. Для сравнения скажем, что в Грузии, территория которой более чем в два раза превышает нашу, менее двух миллионов овец. А в Белоруссии с ее просторами — около полумиллиона. Если сегодня мы не решим проблему, то завтра на оголившихся камнях мы уже не сможем возродить жизнь. В народе говорят: «Ветер от камня ничего не возьмет». Мы же порой просто-таки сеем камни. Нельзя допустить, чтобы овцы стали тормозом расцвета края. Из двух миллионов трехсот тысяч овец один миллион принадлежит частникам. И это лишь то количество, которое зарегистрировано. Партия призывает не «пренебрегать возможностями личных подсобных хозяйств». Однако это не должно идти во вред комплексному хозяйству. Ибо «основой социалистического сельского хозяйства были и остаются колхозы и совхозы». А социалистическое сельское хозяйство — это прежде всего плановое хозяйство, которое зиждется на современной научной основе. Экономисты давно подсчитали, какое оптималь-

ное количество овец можно содержать на данной площади. Для Армении эта цифра равна пятистам тысячам голов. Любое превышение оптимального количества поголовья приводит к диспропорции в хозяйственном комплексе, парализует смежные отрасли. В частности, практически невозможно на некоторых участках разбивать сады, заниматься лесонасаждением.

Нельзя сказать, что лесники и колхозники живут сегодня в дружбе и согласии. И противоречия между ними вполне понятны. Лесникам нужны площади, непригодные для сельского хозяйства. А крестьянин не хочет уступить ни пяди земли. Его психологию тоже можно понять: сегодня земля не пригодна для возделывания, а завтра, глядишь, подведут воду, проведут мелиоративные работы, и тогда она зацветет. Но, к сожалению, бывают случаи, когда и опыт, и наука доказывают, что нельзя вспахивать те или иные участки лугов и пастбищ, а тем не менее тракторы прокладывают в них борозды. В «Трудах научной конференции по охране горных ландшафтов СССР» подчеркивается, что в 1950 году, якобы в целях обеспечения Армении собственным хлебом, распахали значительные площади высокогорных лугов и пастбищ. «В результате рыхлая земля, лишившись растительного покрова, была смыта, подпочва разрушена, появились постепенно углубившиеся овражки, усилилась сухость местности; в итоге мы потеряли и землю и луга, а хлеба так и не получили», — сказано в «Трудах...»

Потеряли землю — и хлеба не получили. И никто не был наказан. Собственно, кто сможет определить степень кары за подобное преступление? Но мало того, что не наказали, не попытались даже исправить ошибку. А выход был один-единственный: на распаханных землях срочно сажать деревья. Вечнозеленые. Но не сажали и не сажают — не разрешено. Искалеченные, обескровленные земли находятся, как правило, на балансе колхозов и совхозов, которые с лесниками в неладах.

Председатель Госкомитета лесного хозяйства рассказывает, что ежегодная проверка обнаруживает массовые самовольные порубки леса. Браконьеры, подобно преступникам, хищнически истребляющим уникальную форель в Севане, рубят лес безжалостно. Действуют они нагло и цинично. Браконьер хорошо знает, что нынче цена древесины слишком высока, а штраф — мизерный. Отсюда и чувство безнаказанности.

Единственный выход — это создание строго охраняемых заповедников. Конечно, на все лесные уголья сторожей не напасешься. И все же, особенно на первых порах, в то самое

время, когда только начинает набирать силу свежепосаженный лес, без системы заповедника не обойтись. Вместе с Грантом Аршаковичем мы подолгу бродили по Джрвежскому лесопарку. Молодые деревца. Вечнозеленые, лиственные. Розарии... Пятьсот гектаров. Ровные, ухоженные террасы. Холмы — словно гигантские египетские пирамиды. На каждой лестничной ступени — ровные ряды деревьев. Слышен шелест молодого леса. Сюда разрешен вход только птицам — слишком еще хрупок лес. Много предстоит с ним хлопот: его надо поить, как поят с рук хворого детеныша.

Голое место, палящее солнце, злые ветры, ни грамма воды. К вершинам многих «пирамид» поднимаются трубы. И на каждой ступени от них отходит рукав с вентиляем. Каждый ряд на крутом склоне нужно поливать отдельно. Никаких самотеков — иначе поток воды снесет слой земли. Словом, выхаживать надо каждое дерево. Каждое дерево в отдельности. Надеяться на то, что по трубам вода будет подаваться круглый год, не приходится. Нет ее, воды. Она в высокогорные края поступает по каплям, и ее едва хватает на фруктовые сады.

И вот лесники взялись за строительство водных хранилищ. На вершинах сопков, словно кратеры потухших вулканов, — емкие чаши водохранилищ. Их будут наполнять водой две насосные станции. Нет сомнения в том, что Джрвежский парк в недалеком будущем станет любимым местом отдыха ереванцев. Но для этого надо терпеливо дожидаться торжественного дня, когда лес окрепнет и сможет, что называется, «постоять за себя». Так выразился Грант Авакян, имея в виду то, что взрослый лес приобретает особые качества.

Речь идет о способности самоохраняться, самоочищаться, самовоспроизводиться.

Однако уже сейчас многие горожане, особенно в выходные дни, толпятся у ворот молодого парка. Они хотят, а порой просто требуют, чтобы их впустили. Приводят такие убийственные аргументы, как то, что бедному ереванцу негде отдохнуть, негде посидеть на свежем воздухе часок-другой. Аргумент действительно убийственный. Негде. Тяжело и обидно часами разъезжать под палящими лучами солнца по лунной поверхности Армении и не найти хотя бы пяточка живительного оазиса. Нет их, этих оазисов. Нам в нашей многотрудной истории удалось сохранить только то, что мы сегодня имеем. Другой земли нет. И с этим приходится считаться. Если негде посидеть часок-другой с семьей в лесной тени, значит, не придется си-

деть. Нельзя, презрев чувство реального, спорить и ныть, полагая, что, видите ли, кто-то не хочет, чтобы дети отдохнули часок-другой в выходной день со своими родителями. Нет пока этой возможности. И лишь слепые не видят, как много делается сегодня, чтобы создать в недалеком будущем все условия для отдыха.

Сегодня мы одновременно строим шестнадцать водохранилищ. У нас в республике мало плодородных земель. А для того чтобы оживить камни, нужна не просто вода — нужна большая вода. И советский человек, подобно самому Богу, творит и землю, и воду, и дерево, и жизнь. И если пока еще невозможно вдохнуть лесную прохладу, то в этом меньше всего виноват наш современник...

Еще в древности путешественники, посещавшие Армению, отмечали характерную деталь национального быта. У каждого очага непременно росло хотя бы одно ореховое дерево. Поэты и писатели воспевали это крепкое и красивое дерево. Ученые писали трактаты о пользе ореха, о его лечебных свойствах. Он помогает при ревматизме и плеврите. Югландин (от латинского слова «juglandinum» — «орех») используется как средство от многих болезней печени. Особенно богат орех витаминами, в частности витамином «Е». Ядро ореха содержит до 56 процентов ценнейшего масла, которое, по данным ученого Сиваджана, широко применялось при бесплодии — как у мужчин, так и у женщин. В Армении издревле знали об употреблении ореха при туберкулезе. В народе говорили: «Если во дворе у тебя нет орехового дерева, значит, болеть тебе чахоткой». А как выяснилось в последнее время, этот плод оказывает благотворное влияние при лечении гипертонической болезни, атеросклероза и особенно диабета. Добавим, что один только вид ореха радует глаз, вызывает приятные эмоции. Наверное, это можно объяснить тем, что его широко употребляли во все века, из поколения в поколение. Историки утверждают: «Грецкий орех широко культивируется по всей Армении, представляя весьма древнюю и излюбленную культуру».

Хотелось бы особо подчеркнуть, что все чудотворные действия ореха проявляются только и только в зрелом виде. Медицина хорошо знает о многих опасностях, которые таятся в незрелых плодах. Мой дед часто любил повторять, что из всех плодов и овощей только огурец имеет ценность в незрелом виде. В первом томе книги «Лекарственные ресурсы флоры Армении» отмечается, что в зеленой кожуре плодов ореха не об-

наружено даже витамина Е. Зато хорошо известно, что в них (по данным Вемера, 1929 г.) количество дубильных веществ составляет более 5 процентов. В Индии именно из зеленых плодов (по данным Чопра, 1933 г.) изготавливают препараты, уничтожающие насекомых и рыб. Есть указания, что зеленый плод отрицательно влияет на половую активность и на цвет лица. В Шамшадине я слышал от стариков: «Если встретишь женщину с желтовато-синюшным цветом лица, значит, она объелась варенья из зеленых орехов».

В наш, как его часто называют диетологи, «сладкий век» неизмеримо выросло число людей, страдающих тяжелым недугом — сахарным диабетом. Чрезмерное потребление сахара — одна из основных причин, вызывающих это заболевание. Среди «виновников», безусловно, можно назвать и варенье из зеленых плодов ореха. В нем большая концентрация рафинированного сахара. Мы по весне чуть ли не варварски грабим ореховые деревья из чисто утилитарных целей. Известны случаи, когда в Горисском, Иджеванском, Шамшадинском, Ноемберянском и других районах весной, во время так называемого сбора урожая зеленого ореха, рубили взрослое дерево, с тем чтобы легче было рвать плоды. И все это ради ложной и, я бы сказал, опасной моды — непременно иметь в домашней коллекции варений ореховое.

И вот стоят у входа на рынок браконьеры и прямо мешками продают зеленый орех. Продают, по сути дела, как сказано у специалистов, «инсектициды и рыбий яд». И яд этот покупают потенциальные диабетики. Но когда диагноз уже установлен, тот же диабетик уже не может купить на базаре нормальный, зрелый орех, который, как уже говорилось, является отличным средством от диабета. Нет его в продаже. Ибо не дали созреть.

Летом редко можно увидеть ореховое дерево, увешанное плодами. Голые ветки. Ветки без плодов. Кстати, на карабахском наречии орех так и называется — «плод ветки», «чухупур» — от слов «чухи берг». Пожалуй, нигде в мире орех не стоит так дорого, как в Армении. Вот тебе и «широко культивируется по всей Армении». А очищенные от скорлупы ядра на базаре стоят до двадцати рублей, и как тут не сказать: «новыми деньгами». Стоят дорого, но никто даже не задумывается, что практически они ничего уже не стоят, ибо очищенные ядра довольно быстро высыхают и лишаются ценнейших качеств.

Я так подробно остановился на свойствах ореха вовсе не всеу. Генеральной схемой развития лесного хозяйства респуб-

лики предусмотрено создание четырех тысяч гектаров промышленных плантаций грецкого ореха. Для нас это немалая площадь. Если учесть, что на каждом гектаре размещается сто и более взрослых деревьев, то не трудно подсчитать, что речь идет почти о полумиллионе ореховых деревьев. Кстати, с каждого гектара собирают от трех до четырех тонн урожая. Собирают только в том случае, если весной браконьеры не занимаются, по выражению специалистов, «избиением детей», то бишь уничтожением зеленых плодов.

Намечается также создать плантации дубовых, кедровых и других деревьев. Все это, разумеется, очень нужно для санитарного состояния края, для экологии. Однако жизнь показывает, что наибольшее внимание мы должны уделять вечнозеленым. Уже сейчас лесное хозяйство республики в состоянии сажать миллионы саженцев в год. Цифра поистине астрономическая. Однако пусть она не удивляет читателя, который был возмущен тем, что для новогоднего праздника вырубил каких-то сотни тысяч штук. Напомним, что сотни тысяч штук — это десятилетних, напоенных родниковым соком деревьев. А миллионы — можно сказать, травинки. Для того чтобы травинка стала деревом, нужен колоссальный труд поколений. Порой многих поколений. Лишних деревьев быть не может. Если где и впрямь необходимо проводить санитарную рубку — я имею в виду санитарную рубку в искусственном лесу, то срубленное дерево не должно превратиться в мусор, который либо сжигается, либо, по данным Министерства водного хозяйства республики, засоряет водоемы, каналы и трубы.

Срубленное дерево, особенно хвойное, — это огромное богатство. «Каждая тонна хвои высвобождает тонну зерна, и значит, ровно настолько же увеличивает мировые запасы продовольствия», — пишут канадские ученые-лесохимики Дж. Киз и Г. Бартон. Аскорбиновой кислоты (витамина С) в хвое в шесть раз больше, чем в лимоне. И в двадцать пять раз больше, чем в луке и картофеле. Разве можно сжигать или выбрасывать вечнозеленые деревья, когда известно, что в одном килограмме хвойной муки содержится в пять раз больше жизненно необходимых элементов, чем в килограмме лучшего лугового сена?

Так что расширение лесов, расширение плантаций — это задано прекрасное подспорье в кормовом хозяйстве республики. Если будущее края невозможно представить без спасенного и возрожденного Севана, то невозможно его представить и без густых рукотворных лесов, без хвойных и лиственных деревьев.

За будущее надо бороться. Бороться за каждую липу, которая в лесу живет четыреста лет, а в городе всего лишь пятьдесят. Она жертвует собой ради нас, ради наших детей. Ради будущего.

...Эти заметки имели конкретную цель: добиться того, чтобы в Армении не рубили ни единого дерева в канун Нового года. И какое же моральное удовлетворение получил писатель, когда было принято решение о запрещении рубки елок. Читал его и перечитывал. Мне казалось, что все хвойные деревья республики задвигали своими зелеными иглами, приветствуя меня, выражая свою признательность. Принято решение. Это уже дело. В нем что-то такое от неотвратимости. То есть уже без моего вмешательства деревья будут спасены. Сделано доброе дело.

Но почему доброе дело должно быть сотворено только в одной республике? Мы же огромная страна!

Перелистайте подшивки центральных газет, и вы убедитесь: в декабре, где-то недели за две до Нового года, чуть ли не все наши периодические издания считают своим долгом вспомнить о проблеме елок. Случается, в один и тот же день выходят два диаметрально противоположных материала. В одном доказывается, что пора, мол, прекратить безответственную рубку миллионов деревьев, в другом критикуются нерадивые работники, которые, видите ли, не могут организовать выращивание и продажу хвойных деревьев. Можно, дескать, без ущерба для леса возобновлять их в любом количестве.

Прежде всего о количестве. Как показал наш опыт, отчетно-статистические данные, когда это касается новогодних елок, явно далеки от действительности. Поэтому, когда читаю, что только в Российской Федерации ежегодно продается десять миллионов деревьев, то, естественно, цифру эту, как минимум, умножаю на три: официальные документы не учитывают «сверхплановую» рубку браконьерами. И кстати, Министерство лесного хозяйства РСФСР не отрицает, что «порубка елок, хищение их особенно возрастают там, где ощущаются перебои с их торговлей». А перебои ощущаются везде.

Пусть будет даже десять миллионов (только по РСФСР). Неужто это мелочь?! Десять миллионов пятнадцатилетних деревьев. Что из них можно получить? Дадим слово специалистам.

Заместитель министра лесного хозяйства РСФСР пишет в статье, посвященной новогодним елкам: «...Ель приносит не только эстетическую радость. Ее древесина — чудесный материал для целлюлозно-бумажной промышленности. Из ели вы-

рабатывают отличный строительный материал. Когда мы наслаждаемся звуками музыки, то и в этом принимает участие ель. Лучшие сорта резонансной древесины для музыкальных инструментов получают из нее».

Непонятно после этого: как можно с легкостью выбрасывать на свалку примерно двадцать пять — тридцать миллионов взрослых деревьев (в стране около семидесяти миллионов семей)? Они гниют на мусорных свалках или их сжигают! Уничтожают великое богатство. Разве не так? Мы уже знаем цену каждого дерева, каждой тонны хвой. И вдруг тонны на свалку. Тонны превращаем в пепел.

Нельзя, наверное, любить лес и при этом чуть ли не ненавидеть каждое дерево в отдельности. Тот, кто замахивается в лесу топором, по-моему, наполнен ненавистью. Он хорошо ведь понимает, что срубленное им дерево не будет служить человеку. Из него, из дерева, не сделают музыкальный инструмент, им не натопят холодную избу. Его превратят на глазах у детей в мусор.

Опыт Армении показал, что можно, сохранив добрую традицию празднования Нового года, избавиться себя от злой традиции рубить здоровое молодое дерево. Доброе дело всегда достойно распространения. Если несколько лет назад, как уже говорилось, в печати высказывались разные мнения, то в последнее время многие наши центральные газеты дружно призывают заменить натуральные елки искусственными. Люди выражают беспокойство о завтрашнем дне.

В этом, собственно, и мудрость человеческая — действительно беспокоиться о будущих поколениях. Мудрость, которая, по выражению Леонардо да Винчи, является дочерью опыта. А опыт наш, как показала жизнь, удался.